

Отдел I. Оригинальные статьи.

Из воспоминаний о † профессоре С. С. Зимницком *).

Д-ра А. М. Предтеченского,

ассистента Пропедевтической Терапевтической клиники Казанского Университета.
(С портретом).

По предложению многоуважаемого председателя Общества Врачей при Казанском Университете на меня выпала честь поделиться своими воспоминаниями о покойном проф. С. С. Зимницком.

Как работавшему с покойным С. С. около 10 лет и связанному с ним личными отношениями, мне вспоминаются многие штрихи из его жизни и по его личным рассказам, и отчасти по оставленной им автобиографии.

С. С. происходил из крестьянской семьи и родился в Могилевской губ., в м. Хиславичах, 2/XII 1873 г.

Вот он мальчиком целые дни часто проводит в лесах и полях Белоруссии со своим отцом-охотником. Здесь, может быть, впервые и зародилась в нем та любовь к природе, которая осталась на всю жизнь у С. С. Отсюда, надо думать, и та потребность—удаляться из города в деревню, на лоно природы, к простым, бесхитростным людям—крестьянам, с которыми С. С. любил коротать время; в свою очередь и крестьяне любили С. С. за его простоту в обращении.

Окончив отлично сельскую приходскую школу, мальчик по особому ходатайству школьного попечителя поступает в гимназию, которую оканчивает с медалью. В гимназии на склоне и характер С. С. большое влияние оказывала, конечно, учительская среда, а также товарищество. Из своих гимназических учителей С. С. с особенной любовью вспоминал Вербицкого—писателя-охотника, Белоруссова—словесника, Горшечникова—историка, из товарищей—Россиева (впоследствии историк), Каменского (охотник-поэт), Л. Андреева (известный писатель), Ромера и Глинку—(впоследствии хозяйственники). Под влиянием среды преподавательской и товарищей,—говорят С. С. в своей автобиографии,—у него появилось желание учиться, и С. С. кончает гимназию с медалью, а по окончании гимназии поступает сначала в Горный Институт, затем со второго курса переходит в Военно-Медицинскую Академию.

В годы учения в гимназии, а также и в Академии, первое время С. С-ч у приходилось самому зарабатывать себе средства к существованию в виду тяжелых материальных условий, и он то дает уроки, то играет в оркестре, то занимается перепиской и тем самым добывает себе средства к существованию.

Только на III курсе, с получением стипендии, жить ему становится легче, можно исключительно предаться только занятиям. В Академии,

*.) Сообщено в заседании Общества Врачей при Казанском Университете 31/I 1928 г., посвященном памяти † проф. Зимницкого.

где в то время были такие выдающиеся ученые, как проф. В. В. Пашутин, А. И. Таренецкий, В. А. Манассеин, Л. В. Попов, С. С. Боткин и др.—С. С. особенно вспоминает об этих своих учениках,—он обращает на себя внимание своими недюжинными способностями, а окончив Академию, в 1898 г., одним из первых, оставляется при ней для дальнейшего усовершенствования в науках, причем избирает себе специальностью изучение внутренних болезней в Академической Терапевтической клинике проф. С. С. Боткина. Здесь С. С. проходит ординатуру, сдает экзамены на доктора медицины, пишет и защищает в 1901 г. диссертацию на тему: „Отделительная работа желудочных желез при задержке желчи в организме“. Работа эта выходит из клиники проф. С. С. Боткина и из Физиологического отделения Института Экспериментальной медицины проф. И. П. Павлова, где С. С. под руководством самого И. П. проводил экспериментальную часть своего труда.

После 3-летнего пребывания в Академии С. С. по конкурсу избирается для заграничной командировки с ученою целью. Заграницей молодой ученый получает возможность расширить свой научный горизонт и ставит себе определенные задачи: 1) поработать по тем отделам, которые являются базой внутренней медицины,—по бактериологии и иммунитету, по физиологической химии и патологической анатомии и 2) изучить преподавание внутренней медицины и ведение клиники. Для этого в течение 1902 и 1903 годов он работает у видных европейских ученых—Salkowsk'ого, Chiari, Kaiserling'a, Benda, Kolle, Wassermann'a, Roux, Mesnil'a, Мечникова, Schottelius'a, а также у Leyden'a, Kraus'a, Senator'a, Jaksch'a, Prüram'a, Widal'a, Landouzy, Huchard'a и др., пишет и помещает ряд работ как в заграничной, так и в русской медицинской прессе по бактериологии, патологической анатомии, иммунитету и физиологической химии. Вместе с тем он не замыкается только в узкие рамки медицины,—он изучает жизнь, искусство, посещает музеи, театры, а также знакомится и с частной жизнью, вступает в члены корпорации и становится активным корпорантом. С бесконечным юмором рассказывал впоследствии С. С. о дуэлях на рапирах и шпагах и о других остатках средневековья в корпорациях, каковы посвящение в корпоранты, роль фуксов и т. п.

По возвращении из заграницы С. С. снова в клинике проф. С. С. Боткина. Отсюда в 1904 г. он едет на театр военных действий со своим шефом, изучает там вместе с проф. Боткиным т. наз. манжурский тиф и открывает его возбудителя. По возвращении с Дальнего Востока С. С. избирается штатным пр.-доцентом, а в 1905 г. выдвигается в первые ассистенты клиники. В этой должности он часто, за болезнью проф. Боткина, читает клинические лекции, а также руководит работами прикомандированных к клинике врачей. Наконец, в 1906 г. он избирается профессором частной патологии и терапии в Казанский Университет. С этого времени вся жизнь и деятельность С. С. проходят в Казани, на глазах у всех нас. Здесь, можно сказать, много было прожито и много было пережито!

Мое личное знакомство с покойным С. С. началось в тяжелые годы—в годы эпидемии испанки и сыпного тифа. Первая моя работа с С. С. была в Казанском Военном госпитале в 1918—19 гг., где С. С.

был консультантом. Я помню, как С. С.,—всегда энергичный, всегда жизнерадостный,—со всем пылом предался этой работе. Вспоминаю эти кошмарные дни, когда в Военном госпитале с каждым днем сваливался кто-либо из медицинских работников, и С. С. всех их навещал, ободряя, давал всегда при этом нужный медицинский совет, наконец, свалился и сам он, и очень тяжелой формой сыпного тифа. Сам больной, он еще накануне читал лекцию о сыпном тифе, а на утро уже лежал с высокой температурой. Судьбе угодно было, чтобы он на этот раз справился со своей болезнью и через 5 месяцев снова мог приступить к своей работе, и мы видим, что С. С. теперь, после тяжелой болезни с осложнениями в сердце и в почках, и читает свой основной курс частной патологии и терапии, и ведет госпитальную клинику, и работает, как консультант, в Военном госпитале.

В это время осуществляется заветная, долго лелеемая мечта его,—С. С. получает в свое распоряжение клинику на 45 кроватей,—правда, в старом, захудалом помещении, в бывшей Губернской Земской больнице, почти без инструментария, без необходимых приборов и аппаратуры. Я никогда не забуду, с какими энтузиазмом он принялся за организацию клиники, помню его планы и перспективы относительно работы в ней. Эту работу он начинает с изучения, вместе со своими учениками, функции почек и желудка. Работа эта у всех на виду. Все помнят, как С. С., не жалея сил, в невозможных условиях, в холода,—в то время лаборатории совсем не отапливались,—проводил целые дни, следя за нашими трудами, интересуясь всякой мелочью, во все вникая, всюду проникая своим пытливым умом и глазом, подбадривая нас где шуткой, где легким укором, всегда стараясь поддерживать энергию в своих сотрудниках.

Плодом всего этого является ряд исследований, посвященных болезням почек. Как блестящий клиницист-физиолог с оригинальным умом и богатой эрудицией, С. С. не пошел проторенной дорогой в изучении функции больных почек, а создал свой путь—свою методику, во главе всего поставив биологический принцип *nil poscere*. Эта методика, встречаенная вначале несколько холодно, нашла себе потом блестящее признание со стороны наших выдающихся клиницистов, как покойный проф. Н. Я. Чистович и проф. Ф. Г. Яновский. Отличительная особенность ее—это ее простота и физиологичность, что отмечается всеми авторами.

Одновременно с этим начинаются работы по изучению желудка. И здесь С. С. проявил также свое оригинальное направление, связав клинику с данными физиологического эксперимента, добытыми величайшим русским ученым И. П. Павловым. Результатом деятельности С. С. в этом направлении явился ряд его трудов по данному вопросу—трудов, которые заинтересовали, между прочим, и американских авторов, а И. П. Павлов, которому покойный посвятил один из главных своих трудов в этой области, благодаря его за посвящение, писал: „Я очень рад и счастлив, что идеи лаборатории нашли себе применение в клинике“.

Продолжая затем углубляться в задачи функциональной диагностики, С. С. в позднейших своих работах затронул сокровеннейшие вопросы о функции желчного пузыря и поджелудочной железы, а также сердечно-сосудистой системы.

Владея в совершенстве иностранными языками и хорошо зная доступную в наших условиях иностранную литературу, С. С. всегда и всюду

придавал большое значение и русской медицинской литературе, которую он также хорошо знал, ценил и высоко ставил, как самобытную. Отсюда его постоянные ссылки на русских авторов как на лекциях, так и в печатных работах, а также на обходах, при разборе больных.

Как учитель и руководитель клиники, С. С. был особенно дорог своей громадной эрудицией, своей колоссальной памятью, своим живым и деятельным умом, который никогда не замыкался и не останавливался на заученных доктринах, а творческим путем шел к созданию своего оригинального направления,—который сам с энтузиазмом работал и заражал других жаждой к работе и знанию.

На одном свойстве этого богато одаренного от природы человека, ученого и поэта я хотел бы особенно остановиться—это на его постоянном стремлении передать другим то, что он сам знал. Это особенно скрывалось на его обходах в клинике и в беседах с С. С., когда он делался со своими сотрудниками буквально всем, что сам знал, что сам вычитал, о чем передумал.

Его блестящая эрудиция и критический ум позволяли ему часто скептически подходить к тому или другому модному научному вопросу и давать ему свою оценку, которая иной раз казалась на первый взгляд неприемлемой, но которая затем почти всегда оправдывалась. С большой наблюдательностью и колоссальной памятью, с глубокой интуицией С. С. часто умел как-то очень легко и просто разрешать самые запутанные случаи в клинике. В его подходе к больному отличительной чертой была именно простота,—всякий запутанный случай, всякий запутанный клубок он с изумительной простотой мог разобрать и распутать, учитывая те явления, которые давали осмотр и наблюдение больного в клинике. В этом отношении он следовал выдающемуся французскому клиницисту Ничард'ю, который заканчивает свою первую лекцию по болезням сердца словами: „Работа в лаборатории,—что бы там не думали, говорили, хотели и делали,—всегда остается скромной помощницей клинической медицины, медицины, которой можно научиться только в больнице, или у постели больного,—французской медицины“. Таким своим направлением С. С. приходил на помощь обыкновенному практическому врачу, часто работающему где-нибудь в деревне, без всяких инструментов и приборов, без рентгена и т. п.

Однако, сам получив хорошую лабораторную подготовку и сам долго работая в лабораториях видных европейских ученых и по патологической анатомии, и по химии, и по бактериологии, С. С. в совершенстве владел и лабораторными методами и мог всегда сам лично указать на тот или иной недочет в работе, учесть тот или иной промах, вовремя предупредить ошибку, что было особенно дорого и ценно в клинике и в лаборатории. К нему всегда можно было обратиться со всяким вопросом и на все получить нужный совет не только научного, но и чисто-практического характера.

Одной из характерных черт работы с покойным С. С. являлось то, что, когда им кому-либо давалась какая-либо работа, или задание, то из этого никогда не делалось секрета,—эта работа всегда была у всех на виду, всякий мог входить в обсуждение и критику данного вопроса, всякий мог вставить свои замечания, высказать свои соображения; этим, я считаю, и создавался тот коллективизм в работе, та солидарность, которые вели к образованию целой системы, целой школы,

Выйдя из недр Боткинской школы, С. С. ушел в функциональный подход Захарина и таким образом соединил в себе эти оба направления. Поэтому, например, при разборе больных он всегда обращал большее внимание и на анамнез. Он часто любил приводить цитату из Мопиана, что при болезнях желудка „анамнез—это все“.

Направление Захарина сказалось и в том, что покойный проф. Зимницкий всегда обращал сугубое внимание на лечение больного, которое проводил всегда строго индивидуализируя. У него в этом отношении не было схем или шаблона. Как клиницист-терапевт, стремившийся облегчить страдания больного, он имел и давал свои рецептурные формы, многие из которых, как „рецепты Зимницкого“, нашли себе широкое применение в практике.

Строгий в работе к самому себе и к другим, всегда сам живой и веселый в обращении с другими, с приветливым лицом, обладавший тонким юмором, веселый и добродушный, любивший и пощутить, и пустить во время остроту, С. С. достигал того, что в работе с ним не чувствовалось никакого гнета, и работать с ним было легко и приятно.

Большой любитель природы и знаток ее, он часто как при разборе больных на обходах, так и на лекциях заимствовал из природы живые и оригинальные сравнения и примеры, которые рельефно отображали то или иное явление и навсегда врезывались в память. Любовь к природе сказывалась так же и в его поэтических произведениях, где большое внимание им уделялось природе и ее красотам. А эти его частые охоты! Они, конечно, привлекали покойного С. С. не самым желанием настремлять дичи, убить зверя,—это было не по душе С. С., любившему животных, любившему и хорошо знавшему зверей и птиц; его больше интересовали самый процесс охоты и созерцание вокруг природы. Я не помню, чтобы кто-нибудь мог с такой любовью и так картино описать, как токуют тетерева, как лопаются весной молодые почки на деревьях, или как взвивается ввысь жаворонок весной.

В личных отношениях к людям С. С. мог быть и резким, но одно качество, одна черта всегда сказывалась в нем,—это то, что он не помнил зла: после какого-либо резкого разговора через 3—5 минут с ним уже можно было говорить, как будто ничего пред тем и не было, и он сам уже не помнил резких слов. Не в его характере было сказать или подумать: „я этого не забуду, этого не прощу“.

В практической жизни это был человек, который не знал многих практических сторон. Всегда прямой и подчас резкий, враг оппортунизма, не заискивавший никогда и ни перед кем, он, благодаря своей прямоте, невсегда правильно бывал понят другими.

Про нас, русских, часто говорят, что мы умеем работать, но не умеем отдыхать. Это как нельзя больше подходит к С. С.—работать он умел и работал много, не покладая рук и не щадя себя; об этом говорит вся его деятельность, как профессора, на лекциях которого воспиталось 21 поколение русских врачей, об этом говорят постоянные его доклады и выступления на всесоюзных и других съездах и в учченых заседаниях, об этом, наконец, говорят те около 100 печатных работ, из которых много крупных монографий, а также те мелкие заметки и рецензии, которые точно так же требуют и отнимают много времени. Но отдохнуть он не умел: и лето, и зиму, и в будни, и в праздник, и днем, и

вечером, и за чаем, и за обедом он был с книгой или новым номером журнала. Этот человек всегда работал, читал, обдумывал новые работы, не давал себе покоя, не давал себе отдыха. Часто целые ночи напролет он проводил за книгой или же писал, и вот, мы видим, что эта напряженная умственная работа повела к обычному для русского ученого исходу—артериосклерозу мозга, того органа, которому он не давал отдыха.

С. С. вышел сам из народа и сторицей заплатил этому народу, а также обществу и науке, той русской медицинской науке, которую он так любил, и на пользу которой он так много работал, не покладая рук. Своими трудами он воздвиг себе нерукотворный памятник во славу русской науки, во славу русской медицины.